

The background of the entire image is composed of fluid, organic shapes in various shades of green, ranging from light lime to deep forest green. These shapes overlap and swirl together, creating a sense of movement and depth, reminiscent of smoke or liquid in motion.

Сергей
Таск

**Женские
праздники**

Сергей Эмильевич Таск

Женские праздники (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3023475

Женские праздники: Время; М.; 2012

ISBN 978-5-9691-1111-0

Аннотация

Герои этих рассказов и повестей, при всем несхождении сюжетов, связаны общими музыкальными темами. Чем дальше, тем отчетливее. Джем-сешн? Духовой оркестр на ярмарочной площади? Не так уж важно. Главное – праздник.

Содержание

ЖЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ	4
А на Петровке было бы дешевле	4
Возвращение в строй	18
День ангела	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Эмильевич Таск

Женские праздники

ЖЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ

А на Петровке было бы дешевле

Решение жениться у людей, как вы да я, вызревает долго. Это как купить столовый сервиз: чтобы стоил пятьсот, а выглядел на пять тысяч. Главное соусник, то бишь невеста, но ведь там, прости господи, набирается предметов на шесть персон, если не на все двенадцать, и в каждом какой-нибудь дефект и даже прямое оскорбление для чувствительного сердца.

А вот Женьшень, дачный мой сосед, обязанный своим прозвищем полукитайскому происхождению, женился в одночасье. Все решил случай. Он переодевался в доме, чтобы совершить с гостями так называемый большой гипертонический круг (весенняя жижица, первые байдарки на быстрой воде), когда в комнату заглянула приبلудная девятиклассница с бессмысленным выражением красивых серых глаз. Застав хозяина без штанов, она стала перед ним на колени, как перед иконой, и совершила ритуал, вследствие чего Жень-

шень, старше ее вдвое и, между прочим, консультант по юридическим вопросам, воспарил духом и телом, а его судьба устроилась на ближайшие десять лет. Насколько я мог понять из его рассказа, он был покорен эдемской простотой отроковицы — она так истово целовала свое новое распятие, что не слыхала ни веселой перебранки на террасе, ни тонких всхлипов чайника из кухни. Кончив дело, она облизнула по-детски припухшие губы и, тряхнув перед зеркалом мелкой рыжей стружкой, произнесла задумчиво: «А на Петровке было бы дешевле».

Что было бы дешевле на Петровке, так и осталось не проясненным, зато о некоторых обстоятельствах накануне исторического события, которое, как известно, бывает раз в жизни (все предшествующие не в счет), можно говорить более или менее определенно. Но прежде несколько слов о моем приятеле. В нем причудливо соединялись два равно сильных свойства — чувство социальной справедливости и махровый мужской эгоизм. По гороскопу он был Овен, знак огня, к тому же еще и Дракон, так что страсти там пылали нешуточные. Он сопел во сне от обиды, когда какой-то хам оттирал его, честного и неподкупного, от прилавка, а наяву с большевистским «я стоял!» протискивался вперед, гордый Данко с пылающим чеком в высоко поднятой руке, и расступалась толпа перед пророком. В день получки он бывал щедрым к нищим и калекам, но с таксистами дрался насмерть из-за лишнего рубля. Многие еще помнят, как во время оно бле-

стоящий, отнюдь не геройского вида студент подписал некую хартию, за что был с треском выгнан (позже восстановлен) из университета, но мало кто знает, что эта благородная душа выставила на улицу первую жену, когда та приладила ему рога с продавцом мясного отдела. Одним словом, Женьшень был большой путаник. Судите сами.

Шли свадебные приготовления, невеста, завалив половину экзаменов, отдалась более приятным заботам, люди в штатском отлавливали в магазинах и парикмахерских нарушителей трудовой дисциплины, во дворах ребятня жгла тополиный пух, и треск веток при въезде в Серебряный бор под оленьим напором троллейбуса № 21, рвущегося из потного города к берегам Москвы-реки, заставлял пассажиров инстинктивно пригибать головы. Для Женьшени это было поистине горячее время: в сжатые сроки ему предстояло разобраться с тремя женщинами, чтобы с чистой совестью протянуть руку четвертой. Его романы, в разной стадии развития, ставили перед ним различные, но в чем-то схожие задачи: самолюбие требовало форсированной победы, благоразумие – уклонения от эндшпильных осложнений. Положение усугублялось тем, что при виде женских слез у него заклинивало нижнюю челюсть. Вместо того чтобы с гордо поднятыми тремя головами пуститься в свободный полет, этот змей горыныч поджимал хвост, заранее сдаваясь на милость коварной жертвы. Из боя он выходил с потерями, заметными невооруженному глазу.

В этом смысле самых серьезных неприятностей он был вправе ожидать от продавщицы из Академкниги, чья милость так и не была отмечена князем Юрием Долгоруким, упрямо скачущим в Моссовет с секретной депешей. Светлана (ночью – Светлячок) придерживала для разборчивого клиента редкие издания, а тот в свою очередь оказывал ей разные мелкие услуги. У Светланы в доме из двух ячеек (ребенок, муж) одна временно пустовала. Жила она в Подмосковье, куда в двух тягловых сумках с упорством тяжеловоза пыталась перетаскать все, чем тогда была богата столица. Женьшень раз в две недели, не чаще, чтобы не показаться назойливым, предлагал посильную помощь – до электрички. Шутил: сегодня Сергеев перевешивает Ценского. Светлана хмыкала в варежку. Она была, как выработавшаяся лошадь, пугающе худа, но умело скрывала это под самовязаными свитерами и свободной длинной юбкой. Нравилась ли она Женьшеню? Скажем так: книги нравились ему больше. Но однажды, сумки ли оказались тяжелее, дорога ли глаже, проводил он Светика до самого порога. Дальше – по канону: водочка с мороза и ночь с бабой. Для истории отметим: Женьшень предпринял отчаянный шаг супротив природы; распрощавшись у подъезда, он решительно повернул назад к станции – хват, нет ключей от квартиры! Не в сугробе же ночевать! Отогрелся у Светлячка и даже синяков от выпивавших косточек не осталось. Одно плохо, все молча, из-за ребенка, как в немом кино. Ранней электричкой Женьшень

возвращался в Москву, накормленный, выглаженный, – а как же, сделал общественно полезное дело. Под стук колес сами сочинялись стихи:

Опалиха, Павшино, Тушино, Стрешнево,
горят облетевшие листья в бороздах.
Как вальс, на три счета, ритм поезда здешнего,
и, как одиночество, призрachen воздух.

Про горящие осенние листья приврал для красоты слога, а что до одиночества... после любовного приключения это как малосольный огурец после варенья. Сладко ныло в паху, и тело, вдруг утратив центр тяжести, заваливалось на сторону. Нет, хорошая девка, домовитая, нетребовательная. И в постели не квелиа. Хотя посопротивлялась, не без этого. Опять же, маленькая дочка рядом, соседей не позовешь. Как все складно вышло. И ключи нашлись, ага. За подкладку завалились! Приятно додремывать в пустом вагоне, зная, что показал себя молодцом, где таской, а где лаской, сифон прочистил, прокладочки сменил, распишитесь. Был у него такой тайный критерий – «Адамов тест». При свете дня, в шеломе да в доспехах, и аника-воин, а ты сими с себя все до петушьей синевы, тогда дадим тебе настоящую цену. Ибо непригляден человек в наготе своей, и звероподобен весьма. По-ба-бам. По-ба-бам. Веселая электричка! Женьшень во сне раззявил рот. «Хорошо бы поближе к работе перебраться». Что такое? Засемафорил светлячок впотьмах. Это

она о переезде! Ну да, а он ей пообещал зайти в обменное бюро, навести справки. Вот это зря. Переберется в город, потом захочет съехаться. Стоп. Кажется, она его про холостяцкую квартиру расспрашивала? Зондировала! Точно! Женьшень заморгал ресницами, уставясь на свое грязное отражение. Книгоноша хренов. Всё. Рубить концы. Прощай, князь.

Решение было принято, после чего их жизнь втроем потекла сама собой. Он отводил Женечку в детсад, Светлана-то уезжала ни свет ни заря, а его консультации могли и подождать. Обмен затянулся, но тут было важно не торопиться, найти что-то приличное и к нему поближе. А пока суд да дело, он купил, – вот и не угадали, не детскую кроватку, нашли дурака! – ни к чему не обязывающий матрас, компактный такой, тюзовский, чтобы Женечке было где переночевать, когда они с мамой задерживались в городе. Потом это как-то незаметно вошло в правило: Светлана готовила в его берлоге вкусный завтрак, и они все ехали в зоопарк или еще куда-нибудь, в магазинах приценивались к женскому белью, тут требовался искушенный мужской взгляд, обедали в недорогих кафешках, заглядывали к его друзьям, чтобы, как говорила Светик, он не засахарился в женской компании. Все это было бы приятно и необременительно, если бы не накладывалось на побочный роман.

Хронологически его следовало бы назвать главным, но его невнятность или, лучше сказать, пунктирность, напоминавшая нитевидный пульс больного, дает нам основания поста-

вить его на второе место. А как славно начиналось! Еще до того как он увидел Настю, скромную на вид училку, в деле, Женшень не мог не оценить темперамент Никифора, ушастого старичка спаниеля, который на глазах у публики со страстью, увы, столь редкой в наших северных широтах, разорвал его сандалету в жаркий летний день возле Останкинского пруда. Для освидетельствования рваной обуви пострадавший был приглашен в соседний дом на улице Цандера, откуда он ушел за полночь, еще более потрепанный, но уже другим персонажем. В память о знакомстве сандалета была подвешена над Настинной кроватью, и всякий раз, когда слезящиеся глаза Никифора невольно поднимались к сыromятной недожеванной луне, пес принимался выкусывать блох с таким остервенением, словно хотел стереть всякую память о былом. Вот так же Настя, волнуясь, расчесывала себя до крови. Они вообще были как брат и сестра, даже болели одними болезнями. А как они друг друга ревновали! Когда хозяйка и этот прохиндей, как для себя определил его Никифор, занимались любовью, пес ломился в дверь шумно, грубо, как пьяный мужик, и, если ему таки удавалось справиться с защелкой, плюхался в кресло и устремлял на них тяжелый немигающий взгляд, сопровождая его сопением и inferнальными вздохами. Было от чего вздыхать. Роман закручивался быстрее, чем иной раз Никифор в попытке ухватить себя за хвост. Август: турпоход в Крым вместе с Настиным восьмым «Б» (Бахчисарай, гитары, стертые но-

ги). Сентябрь: куплен неземной красоты перуанский ошейник, жест, значивший для Насти больше, нежели обручальное кольцо. Октябрь: решительный отказ от продукции Ваковского завода. Ноябрьские праздники: перекрестное знакомство с родителями. Никифор не запил, зато почти не прилагивался к еде. Он лежал в прихожей на подстилке, приговариваясь спящим, двенадцать килограммов собачьей тоски, и только нервное подрагивание обвислых ушей свидетельствовало, что из своего философского далека он вынужден отвлекаться на эти пошлые щенячьи восторги, долетающие из-за двери. Вот и другой месячишко проскочил, с метелями, со шварканьем лопаты в утренних потемках, слабый пол ответил на вызов шерстяными рейтузами, в чумах выпили неразбавленный спирт, и тут – получите, распишитесь – привет из Баковки: «Месячные задерживаются тчк желаем новом году прибавления семейства». Следующая неделя прошла в лихорадке осмысления свалившейся на них радости, и на Рождество Настя, все поняв, сделала аборт.

Здесь кончается история мужского эгоизма и начинается повесть о рыцаре без страха и упрека. В последующие два года Женшень превзошел самого себя. Нет, он не женился, нельзя требовать невозможного, но! Ремонт, о котором так долго говорили большевики, был сделан им с революционной стремительностью, пока Настя, опять же за его счет, восстанавливала силы в пансионате «Тихий омут». Май они провели в Коктебеле, в писательском Доме творчества, где

с Настей любезничали олимпийцы, выигрышно отличавшиеся от ретушированных фотографий (высокое чело, млечный взгляд) в школьной хрестоматии, – с ней она ходила по рядам, сея разумное, доброе, вечное. Цвело Иудино дерево, приятно зудела просоленная кожа, и известный поэт, выйдя в трусах на балкон, ронял в вечность: «Написал о соловьях, закрыл тему». Никогда, ни прежде, ни потом, Женьшень так не пропитывался запахами текущей женщины. Ни душ три раза в день, ни Настины кремы не могли истребить этот особый аромат, заставлявший их сотрапезников подозрительно принюхиваться к вареной нототении. По ночам они устраивали кошачьи концерты, а утром громко возмущались: «Сколько можно это терпеть! Надо сообщить в администрацию!» В конце концов, кто-то сообщил, но нашелся вариант получше – яйла. Они расстилали на траве розовое покрывало с официальной меткой и предавались утехам под благосклонным небосклоном, среди коз и овец, воспринимавших их как часть пейзажа. Было ощущение райской безмятежности, особенно после того как Настя вставила спиральку. В Москве Никифор, брошенный на соседку, вернулся к старым привычкам: жрал на пустыре всякую дрянь, потом его рвало, и он лежал пластом, прикрыв черные печальные глаза, представляя, как умрет, и этот подлец захочет выбросить его коврик, а *она* ляжет на подстилку и тихо скажет: «Ты можешь выбросить ее только вместе со мной!» Глаза Никифора сочились какой-то мутью, он засыпал, поскуливая

от боли и не догадываясь, что виной тому не пищевое отравление, а болезнь, пустившая в желудке цепкие корешки. Но впереди еще добрых полгода – именно добрых, потому что после Коктебеля страсть, выгорев, как трава за лето, пожухла, полегла, а больше там ничего и не оказалось.

А как же, вспомним, врожденное чувство социальной справедливости? О, с этим было все в порядке. Когда Настю лишили какой-то там надбавки, Женьшень не поленился нанести визит директору школы, и одного имени, как бы случайно оброненного им в разговоре, хватило, чтобы статус-кво было восстановлено. А еще был эпизод в винном отделе, где его подруге предложили билет на историческую родину в один конец. Это Анастасии-то Романовой! Тут уж в нем разыгралась китайская кровь, которую ему в детстве, в разгар пограничной бузы, в патриотическом порыве пустил его друган в подворотне. Опуская подробности, заметим лишь, что в самые критические дни июля, когда возле пивной цистерны в ожидании завоза погибали лучшие из лучших, для Насти всегда была припасена бутылочка-другая в подсобке у Сан Саныча, который так до конца своих дней и не понял, откуда при такой фамилии взялась у нее в глазах эта жидомасонская поволока. Мораль? Если и была за Женьшенем какая вина, то он ее искупил многократно. Или есть еще сомневающиеся? Ну и зря. А вот Настина родня продолжала его привечать как ни в чем не бывало. Интеллигентные люди! Даже Никифор, уж на что принципиален, перед смертью

ему руку лизал, видать, прощения просил! Отлетела собачья душа, и в доме поселилась тоска. У нее был цвет зеленых больничных стен. «Тебе тяжело со мной, я вижу», – говорила Настя, простоволосая, подурневшая, с каким-то дурацким вязаньем на коленях. «Не говори глупости», – отвечал он, глядя в окно. Зобастый голубь в третий раз перемерял подоконник деловитыми шажками, словно никак не мог решить, устраивает ли его этот метраж. «Улетит!» – с завистью подумал Женьшень. «Ты на меня даже не смотришь». Он перевел взгляд на скомканную фигурку в кресле. «Извини, мне пора». В самом деле, год пролетел. Сегодня он Светика выводит в театр. Лучше удавиться! Опять наденет это кино с брюхатыми тонконогими птицами, и в буфете все будут гадать, фламинго это или журавль. А тут еще у Женечки прорезались музыкальные таланты, с которыми надо срочно что-то делать. Вырезать, как гланды! Женьшень злился на себя, на осеннюю слякоть, а пуще всего на Господа Бога, злорадно взирающего на то, как эти мелкие людишки барахтаются во вселенской паутине.

Между тем счастье – вот оно, шестимесячное! – выпирало с каждым днем все больше, такой растущий на дрожжах колобок, – тыкался в него, требуя внимания, отлеживался на диване, чтобы снова покатиться по сусекам, гонял челядь в хвост и в гриву, ни в чем не зная отказа. 1 сентября, вместо школы, невесту ждал ЗАГС. Откладывать дальше было бы неприлично.

Осенние свадьбы – весенние дети.

Ах, как это напоминает о лете!

Настя лежала в больнице на обследовании. Ничего определенного врачи не говорили, но ее взгляд был такой же потухший, как когда-то еврейские глаза Никифора. Разве он мог порвать с ней в такую минуту! А что, молчать часами – лучше? Все давно перемыто-переглажено. Женьшень давно уж занес свое вечное перо, чтобы поставить жирную точку, да все не придумывалась концовочная фраза. И вдруг как-то так само получилось – Настя попросила его не приходить к ней больше. Он отнесся с пониманием: приятного мало, когда тебя застают в разобранном виде. Надо им взять тайм-аут. Еще успеют объясниться. А, собственно, чего объясняться? Ну познакомил ее с родителями, делов-то! С абортотом – согласен, тут кривовато вышло, хотя, если разобраться, по-своему логично. Ребенок – это была Настина идея, что ж, он не спорил, но факт остается фактом, ему выкрутили руки, а такие вещи всегда выходят боком.

Да, во всем скрыт глубокий смысл, размышлял Женьшень в такси по дороге к невесте, откуда большая черная машина должна была доставить их с пузом непосредственно к месту кольцевания. Глубокий смысл, да, чтобы не сказать – глубинный. Иной раз сразу и не выудишь. Взять хотя бы сегодняшнюю ночь. Зачем он провел ее с Алатырцевой? Когда-то они

закончили один факультет. Других поводов не было, если не считать звонка их общей подруги. У Алены был семилетний сын, которого она родила без мужа, и вот это обстоятельство сыграло с ним злую шутку. Почему Алатырцева решила последовать примеру подруги и с какого боку возник он, Женьшень, в роли сеятеля, он так и не понял. «Ты ж за ней ухлестывал на втором курсе!» – «Кто?» – изумился он в трубку. «Неважно. Что, есть проблемы?» Вообще-то у меня свадьба, хотел он ответить, но почему-то промолчал. «Встретитесь у меня. Приезжай завтра часам к десяти, она тебя будет ждать. Учти, ни грамма алкоголя».

Последний день его холостяцкой жизни выдался насыщенным: новые туфли, ресторанное меню, гости, родственники, невеста, подарок Женечке-первокласснице, обед у Светланы, цветы Насте с запиской, что уезжает на месяц, а еще надо было срочно раздобыть денег в долг, рублей пятьсот, но удалось собрать только триста пятьдесят, и на том спасибо. Ну а потом была Алатырцева. Ни грамма алкоголя? Ну уж, дудки! Армянский коньяк в момент зачатия еще никому не повредил. Надо напряжение снять. И дернул же его черт согласиться! Безотказность его погубит. Ну да ладно. Вместо мальчишника. Хлопнуть дверью напоследок. Он нажал на кнопку звонка с легким сердцебиением. Какая она стала? Все-таки двенадцать лет! В памяти осталось что-то такое курносое, в кудряшках. Недотрога. Вот-вот, а теперь он накануне своей брачной ночи должен заниматься спаса-

тельными работами! Ему открыла уверенная в себе молодая женщина с короткой модной стрижкой. Она вовсе не смутилась и от коньяка, между прочим, не отказалась. Вспоминали тех и этих, у Алатырцевой обнаружился острый язычок, и чем раскованнее она шутила, тем неувереннее чувствовал себя Женьшень. Он настраивался на другое: замороженное существо, которое оттает от одного его прикосновения. Он мысленно видел, как она тянется к выключателю, – «ну пожалуйста, мне так легче!», – и теперь не знал, куда спрятаться от этого прямого насмешливого взгляда. Извинившись, он выходил на кухню и, набрав номер, дул в трубку – пусть кое-кто думает, что у него барахлит домашний телефон. По дороге заглядывал в ванную, искал признаки несокрушимого желания и не находил. А в спальне с золотистыми шторами, с ночником, цинично приглашавшим в уже разобранную постель, под легкой простынкой, закинув руки за голову, ждала его Немезида. «Не встанет», – с тоской подумал Женьшень и как в воду глядел. Вспоминать эту ночь не хотелось, но сейчас, въезжая во двор, где уже стояла заказная «Чайка» (просил же, никаких кукол в гинекологической позе!), он вдруг постиг глубинный смысл своей неудачи. Ну конечно! Он не осквернил чужого ложа, сохранил себя для возвышенных чувств. Все-таки есть, есть Бог.

Возвращение в строй

Вы правы. Попытка устроить этот мир как образцовый воинский гарнизон не удалась, но не будем все валить на Каптерщика. Добра у него в избытке, в том числе на складе энской части Забайкальского военного округа, но ведь если хватать, что плохо лежит, то можно и без штанов остаться. А много ли человеку надо? Была бы честь, да голова на плечах, да курево в кармане. И все это у Ивана Ильича было. А еще была у него фамилия, Стрельцов, тугая, звонкая, под такую на плацу печатать шаг. И как он его печатал! Носок оттянут, нога в струнку. И-и-и – раз! Голова направо, подбородочек вверх, руки по швам. А за спиной его орлы, такие же подтянутые, с иголки, любо-дорого смотреть! А все же до командира им тянуться и тянуться. Выправка потомственного офицера – это вам не два пальца, сами понимаете. Да что парады! Когда Иван Ильич шел по городку, даже замужние женщины ставили ножку как-то так, что и описать затруднительно. Зря ставили – это был Измаил, Шевардинский редут. Иван Ильич держал путь домой, где его ждала Маруся с шестимесячным животом, и никакая вражья сила не могла сбить его с линеечки.

А все же раз в месяц капитан Стрельцов отклонялся от маршрута. Но мы не упрекнем его за эту слабость. Лучше мы отметим беспримерную чистоплотность нашего героя, даже,

не в упрек ему будь сказано, педантизм сродни самому строгому уставу. Дома, еще не повесив фуражку, он машинально проводил пальцем по подзеркальнику, и если на пальце оставался след, он без лишнего упрека протирал лакированную поверхность фланелькой, нарочно висевшей для такого случая. А затем он совершал то, что сам в шутку называл купанием красного коня: весь намыливался и жесткой скребницей сладострастно тер бока и спину, а также непоименованные места, обихаживая каждую клеточку и слабо постанывая от удовольствия. Из ванной он выходил багрового цвета, выпивал две рюмки водки, за жену и будущего наследника, и только после этого садился ужинать. Ну а что до вышеупомянутого «зигзага», то это пустяк, простительная слабость: раз в месяц Иван Ильич ходил в парикмахерскую. Стриг и брил его всегда один мастер, Гриша Вайсман, с голым черепом и волосатыми руками мясника, которые обращались с клиентом, как с бараном на заклании: вертели им так и сяк, закидывали назад голову, и отточенная на ремне бритва хищно примеривалась к намыленному кадыку. Это был тоже смертельный номер, вроде самоистязания под душем, и капитан садился в кресло с легким замиранием сердца, знающего об опасности и принимающего вызов.

День, представляющий для нас определенный интерес, выдался не просто жаркий, это была баня. Новенькая, по фигуре приталенная рубашка на Стрельцове противно липла к телу, и темные круги под мышками расплзались, несмотр-

ря на принятые меры. В казарме стоял тяжелый запах солдатского пота. После полевых занятий портянки можно было выжимать. Иван Ильич, всегда выдержанный, чихвостил подчиненных в хвост и в гриву. Из расположения части он ушел раньше обычного, даже не заглянув в офицерский буфет, где у Верочки всегда было припасено для него охлажденное «Жигулевское», и зашагал домой, мечтая только об одном. Как вдруг вспомнил: сегодня день бритвы и помазка! Другой бы махнул рукой, но не Иван Ильич. Сорвав большой лопух, он принялся чистить ржавые от красной пыли голенища, когда над ухом раздался незнакомый женский голос:

– Этим не удобнее?

Он поднял глаза на миловидное существо в соломенной шляпке, протягивавшее ему носовой платок.

– Спасибо. – Он хотел сказать, что у него есть платок, вернее не платок, а то, во что он превратился, но вместо этого еще раз вежливо поблагодарил: – Вы очень любезны.

– Берите, берите, – она почти насильно всучила ему что-то такое надушенное, кружевное, с синей каемочкой.

– Но как я вам его верну?

– Было бы желание, – улыбнулась она, показав крепкие белые зубы, какими хорошо орехи щелкать. – Я здесь в общем-то случайно, а живу я в городе.

С этими словами незнакомка двинулась дальше, уверенно демонстрируя части тела, подчеркнутые отсутствием лифчика и ненавязчивым присутствием бикини. Страхнув нава-

ждение, капитан внимательнее разглядел галантерейное изделие и запоздало протянул: а-а-а. До кощунства дело не дошло: платочек был сохранен в девственной чистоте, а сапоги худо-бедно вычищены. В парикмахерской Стрельцова ждал сюрприз. Вайсман не на шутку простудился – о, эти коварные летние сквозняки! – и сегодня за двоих работала Марина Сергеевна, некрасивая молчаливая женщина лет сорока, с которой за все эти годы он перекинулся, дай бог, десятком слов. Видимо, на его лице изобразилось разочарование, потому что она снова раскрыла отложенный было модный журнал. Стрельцов, человек действия, решительно сел в кресло. Голубая пелеринка, белый воротничок на липучке. Он любил этот ритуал, возвращавший его в детство, которого он, в сущности, не помнил. Но до чего приятно было подставить запрокинутую голову под теплую струю, чувствуя, как материнские пальцы перебирают мыльные пряди. Тут он ощутил странное оживление в области живота. Прислушался к себе. Показалось. Нет, не показалось. Еще как не показалось! Капитан похолодел. Голубая пелеринка едва прикрывала ремешок от брюк, а это означало, что о скрытном выдвижении на огневой рубеж не могло быть и речи. Стрельцов хотел было прикрыться могучей пятерней, но, представив, как это будет выглядеть со стороны, отказался от своего намерения. Тогда он сделал попытку закинуть ногу на ногу, но получил твердый материнский отпор.

В эту минуту участь его была решена. Дальнейшее – пост-

ное лицо, вялый юмор, неубедительная ссылка на семейное торжество – можно расценить как последовательную сдачу позиций. К моменту, когда палец о палец не ударившая для своей победы Марина Сергеевна припудривала тальком порозовевшую капитанскую шею и освежала из пульверизатора лоснящиеся капитанские щеки, Иван Ильич мысленно достраивал бастион своей невиновности. Хотя он мужчина в силе, но выпрашивать у жены самые невинные ласки так же наивно, как проситься с гауптвахты в увольнение. А ведь он держался! Он умел выстоять под градом отравленных амазонских пуль! А тут все сошлось против него: лопух, простуда, мятный шампунь. И вот результат: случайная женщина – впрочем, парикмахер – вымыла ему голову. У кого язык повернется назвать это супружеской изменой? Так или примерно так рассуждал последний в этот день клиент, мимоходом отмечая в зеркале благородство волевого строгого лица. Думается, что рассуждения Ивана Ильича более или менее знакомы читательской массе, хотя бы ее мужской части, поэтому для краткости мы предлагаем свести их к банальному силлогизму:

Жена не выполняет супружеские обязанности.

Есть женщина, готовая их выполнить.

Жена передоверяет это другой женщине.

Капитан Стрельцов предложил проводить Марину Сергеевну до дома, и предложение было принято. Марина Сергеевна пригласила Ивана Ильича выпить холодного клюк-

венного морса, и он не отказался. Подведем месячный баланс: Стрельцов (воспользуемся его эвфемизмом) мыл голову пять раз. Что, в общем, вписывается в его представления о чистоплотности. А теперь несколько слов об одной такой, выборочной, головомойке. Нет-нет, никаких скабрёзностей. Карандашный набросок.

Итак. Обеденный перерыв. Иван Ильич, убедившись, что нет «хвоста», открывает заветную дверь своим ключом. Слепок, кстати, он сделал сам и сам же обточил бородку. Золотые руки. К приходу Марины Сергеевны стол накрыт: рюмашки-фужеры, салфетки уголком, ножичек справа, вилочка слева. Ну и там винишко, сервелат тоненько порезанный, сырок, то-се. Апельсины. А как же. Четыре штуки – три в основании и одна сверху – пирамида, так сказать, любви. А еще сюрприз. Балычок. Мишка на севере. Бог весть, где он все это доставал, времена были цирковые, настоящих артистов наперечет, и все они либо сидели, либо еще только шлифовали смертельные номера. Но капитан Стрельцов ухаживал красиво. Цветы за голенищем проносил! И Марина Сергеевна в долгу не оставалась. С ней Иван Ильич понял одну важную штуку. Некрасивая женщина – это такой торт-сюрприз: платишь копейки, и весь в креме. Сколько нежности! Какая отвага! Он мог делать с ней всё. Не было такой фантазии, на которую она сказала бы «нет». За месяц капитан сдал экстерном полный курс любовных наук. Восемь лет супружеской жизни псу под хвост! Чего стоили Марусины со-

болиные брови или золотистые волосы до копчика, если за прикосновение к надменно вздернутой грудке можно было схлопотать по физиономии! Какой урок для всех нас, охотников за приключениями. Господа, довольно гоняться за миражами! Полюбите некрасивых, и вам воздастся сторицей. Что-то в этом есть: теплое стойло, овес из рук. Мечты-с.

У нас нет прямых доказательств, что Маруся догадывалась о новом раскладе, но то, что прекращение домогательств было встречено ею с облегчением, сведения верные. Обошлось и без особого прессинга, которого Иван Ильич не без оснований опасался. То есть жена, конечно, интересовалась причинами участвовавших задержек, но сера и огонь дождем с неба не пролились. Живот рос своим чередом, и раза два Стрельцов даже сподобился к нему приложиться. Сначала он ничего не услышал. То есть, вернее, ничего не понял. Это было похоже на инструментально-сборочный цех с хорошей звукоизоляцией. Везде кипела работа. Ухо различало одновременные усилия каких-то агрегатов и поршней, действовавших не то чтобы вразнобой, а безо всякой видимой связи. Иван Ильич тесней прижался к тонкой мембране в надежде как-то осмыслить этот хаос, и в ту же секунду получил удар, заставивший его в ужасе отпрянуть. «Слышал?» – тихо рассмеялась Маруся. «Что это?» – так же тихо спросил Иван Ильич. «Ножка», – воркующим голосом объяснила жена. «А-а», – только и сказал он, почему-то вспомнив отдачу при стрельбе из пистолета Макарова.

И вот эту семейную твердыню, этот Кавказский хребет, который тщетно пытаются подмыть кислотные дожди и парфюмерные романы, решил в один миг разрушить Божий промысел. Как всегда, придя с работы (не будем уточнять, с какой), капитан Стрельцов полез в душ и во время омовения обнаружил в неподобающем месте странную сыпь. Для человека, особенно восприимчивого к любому изъязу, эта невесть откуда взявшаяся россыпь была чем-то вроде сального пятна на чистой рубашке, каждое утро новой и, заметьте, выглаженной не только спереди, как у большинства его сослуживцев. Стрельцов долго разглядывал расходящийся веером узор, напоминавший расположение наших войсковых соединений («красные») в отличие от войск потенциального противника («синие») на оперативно-тактических картах. Брезгливо скривившись, он промокнул пораженный участок туалетной бумагой, каковую спустил в унитаз, и, прежде чем одеться, тщательно протер руки одеколоном. За ужином он был неразговорчив. Спать лег в трусах и долго не мог уснуть. Беспокоил его не столько зуд, сколько разные мысли.

Весь следующий день Стрельцов провел в смутной тревоге. При всяком удобном случае проверял, как «там» идут дела. Дела шли неважно. Иван Ильич вдруг поймал себя на том, что он, капитан Советской Армии, складывает руки по примеру нацистских бонз! Неужели его солдаты что-то заметили? Может, уже посмеиваются за его спиной? Да, бы-

ли нехорошие такие ухмылочки! Только этого не доставало. Он купил в аптеке цинковую мазь (а покраснел-то, покраснел!) и всю извел в два дня. Как мертвому припарки. Отменяя по телефону плановое свидание, Стрельцов постарался ничем себя не выдать, но, кажется, у него это плохо получилось. Марина Сергеевна переспросила, не случилось ли чего, и он хамовато буркнул в ответ: «А то ты не знаешь!» После знакомства с известной статьей в «Справочнике домашнего врача» он совсем развинтился. Все совпадало. То есть до смешного. И инкубационный период – один в один! И она еще разыгрывает из себя невинность! Он напряг память и вспомнил: перед ноябрьскими, в салоне очередь на час, Гришина бритва мелькает в воздухе, как обезумевшая дирижерская палочка, заставляя его, Стрельцова, вжиматься в кресло, а за его спиной, из другого кресла, доносятся обрывки весьма развязного монолога. И она, заметьте, смеется!

К исходу третьего дня Иван Ильич сломался. Хрустальный земной шар, который он до сих пор легко нес на своих плечах, превратился в тяжелый крест, для простого смертного неподъемный. И тогда он исповедался жене. Ее первую реакцию мы, пожалуй, опустим. Вторую тоже. А вот затем было разыграно так называемое «русское начало»:

- Как ее зовут?
- Ты все равно ее не знаешь.
- С профессией все ясно, но имя-то у нее есть?
- Я не спрашивал.

– Ну да, до того ли было!

– Я же говорю, по пьяному делу. Ничего не помню, хоть убей.

– Правильно, еще о семье помнить!

– Обязательно надо все перевернуть.

– Во всем, значит, виновата я.

– Ну почему...

Первая десятиходовка была сделана в быстром темпе, после чего партия перешла в миттельшпиль, с жертвами и осложнениями, закончилась же она, как и следовало ожидать, капитуляцией черных. Решающей можно считать атаку, начатую проходной пешкой: g6+... или в более привычной записи:

– Зачем ты мне все это рассказал?

Это простое, на первый взгляд, продолжение поставило Ивана Ильича в тупик. А правда, зачем? Замучила совесть? Или верил, что Маруся знает заговор от недуга? Оба ответа напрашивались, и оба были ложными, поэтому Иван Ильич ими не воспользовался. Видимо, решил, что лучше сдать партию, чем записать правильный, но очень уж обидный для кадрового офицера ответ. Зато он дал слово: завтра же идет к врачу!

Легко сказать. Стать на учет в кожнодиспансере? Чтобы через три дня об этом знала вся воинская часть? Лучше сразу пулю в лоб. Гриша, больше не к кому. Вайсман удивился не столько неожиданности самого визита, сколько странному

поведению гостя. Иван, прикрыв за собой дверь, достал носовой платок, смочил его спиртом и тщательно протер дверную ручку. Вместо того чтобы сразу двинуться в кухню, он со значением, смысл которого не дошел до Вайсмана, сказал: «Ты первый». Он, правда, по обыкновению заглянул в холодильник («Живут же некоторые!»), но, опять же, не забыл пройтись платочком, а главное, наотрез отказался выпить. Он сел в углу, какой-то смущенный, с бегающими глазами и надолго замолчал, тоскливо поглядывая в окно.

– Если ты пришел меня убить, то у меня к тебе будет маленькая просьба: заberi из прачечной белье, квитанция на столе, под пепельницей.

– С чего бы это мне тебя убивать?

– Это уже вопрос к следствию. А насчет мер предосторожности, это ты правильно. Там ребята ушлые, такие вещи секут на раз.

– Очень смешно.

– Я бы на твоём месте, Иван, все-таки выпил. Перед серьёзным делом надо маленько расслабиться. Грамм двести. С холодной окрошечкой. Потом все спиртиком протрешь.

Под водку и под окрошку Стрельцов поведал, зачем пришел. Гриша слушал внимательно, не перебивал. Уточнил насчет цинковой мази, дескать, не было ли после этого массового исхода насекомых. Похвалил за «хлорокс». Выводы им были сделаны совершенно неожиданные. На сифилис не тянет. На триппер тем более. Собственно, во всей этой исто-

рии Вайсман по-настоящему близко к сердцу принял одно – что высокую награду Стрельцов получил не от кого-нибудь, а от его, Гришиной, напарницы, Марины Сергеевны, с которой он, Гриша, проработал бок о бок пять лет и которую всегда считал старой девой. Известие, что «эта мышка» даст в постели фору итальянской порнозвезде, побудило Вайсмана открыть вторую бутылку. Иван Ильич пил, не хмелея, и только железная уверенность бывалого Гриши Вайсмана в том, что его приятель никак не мог заразить жену, будущего ребенка, самого Гришу и весь состав энской части Забайкальского военного округа, помогла Стрельцову чуть-чуть расслабиться. На прощание ему дали телефончик в городе, своего рода пароль, гарантировавший строгую конфиденциальность.

Все-таки Гриша кое-что петрил. Ивана Ильича приняли в уважаемом институте. Профессор, такой столетний живчик в смешной шапочке, отважно сунул нос в самый очаг болезни и через секунду изрек: обыкновенная детская потница. Нет, если моя реакция вас не убеждает, мы можем проверить вас на реакцию Вассермана. Пробирку с кровью они передавали из рук в руки так, как будто это была чаша святого Грааля. О подтверждении диагноза он должен был через пару дней справиться по телефону.

Из кабинета вышел другой человек. Его по-прежнему звали капитан Стрельцов, но видели бы вы, каким чертом сбежал он по лестнице, каким молодцом зашагал по надраенно-

му солнечной ваксой тротуару! Времени было вагон, и Иван Ильич принял единственно возможное решение: завалить Марусю подарками. Бедняжка. Нагнал же он на нее страху! Небось, с ее фантазией, чего только себе ни навоображала. Ничего, рассосется. Флакон *Magie Noire* сделает свое черное дело. Удачный каламбур. Он даже хмыкнул от удовольствия. Так, что у нас с деньгами? Иван Ильич полез за портмоне, и вдруг из кармана выпал кружевной платок. Он поднял его с земли и зачем-то поднес к носу, точно собака, берущая след. Нет, ничем особенно выдающимся платочек не пахнул. Тогда он расправил края и, как бы заново удивляясь, прочел в уголке, под синей каемочкой, имя и фамилию. С минуту он стоял в задумчивости. Потом как-то воровато оглянулся по сторонам и, спрятав носовой платок в карман, быстрым шагом направился в адресный стол.

День ангела

Маша Рябинкина в подмосковном городе N была притчей во языцех. Тому виной не кенгуриная легкость (столетровка за 12,8) и даже не ее рисунки в местной газете (странствующие идадьго, танцующие эсмеральды). Просто в своей возрастной категории – старше семнадцати – Маша осталась последней девственницей в одиннадцатом «Б», а послушать некоторых ее подруг, так и во всем городе. Аттестат зрелости ей все же выдали. Волнение общественности можно понять. Наливное яблочко – око видит, а зуб неймет. Не может наш человек равнодушно пройти мимо красоты, особенно за чужим забором. Но что мы тут о ворах, им бог судья. Машу жалко. Отчего же все не ехал ее идадьго? Или завернул по дороге на войну с неверными? Вот-вот. Не по своей воле завернул, а Маша, стало быть, его ждала. Как в рыцарских романах. Девичья светелка, пояс верности и проч. А тебе, моя Гренада, накось выкуси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.